

В.Н. ТАТИЩЕВ И БОРЬБА ЗА КОММУНИКАЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА УРАЛЕ В 1735-1736 гг.

В статье показано исследование роли крупного русского историка В.Н. Татищева в течение первых двух лет деятельности Оренбургской экспедиции и башкирского восстания 1735-1736 гг. Урал в это время играл важную роль при поставке продовольствия для строителей Оренбурга. Башкирское восстание в 1735 г. создавало серьезную угрозу коммуникациям города.

Башкирское восстание 1735–1741 гг., которое явилось наиболее мощным из башкирских восстаний XVII–XVIII вв., стало одним из самых крупных событий российской истории середины XVIII в. Масштаб события, большое влияние его последствий на историю восточной части России предопределили интерес к этому явлению в отечественной и зарубежной историографии. Первое исследование, написанное участником событий П.И. Рычковым, появилось уже в середине XVIII в., позднее это движение изучалось С.М. Соловьевым, Н. Поповым, В.Н. Витевским, А.А. Дмитриевым, А.И. Добромысловым, Н.В. Устюговым, М.Д. Машинным, А. Кузьминым, А. Донелли и Р. Порталем [1]. Несмотря на подобный интерес, некоторые важные события этого восстания остаются малоизученными. Это в первую очередь относится к истории первой фазы движения – восстанию 1735–1736 гг. и действиям правительства на Урале, которые были здесь возглавлены выдающимся русским историком В.Н. Татищевым. 10 мая 1737 г., после смерти И.К. Кириллова – первого начальника Оренбургской экспедиции, В.Н. Татищев был назначен ее главой с одновременным пожалованием в тайные советники. Это назначение во многом было обусловлено деятельностью В.Н. Татищева в первые два года работы экспедиции (1735–1736) и вызванным ею башкирским восстанием.

Башкирское восстание 1735–1741 гг. явилось прямым следствием развития международных отношений в Центральной Азии и восточной политики русского правительства в 30-е гг. XVIII в. В 1724–1725 гг. ойраты изгнали казахов также из оазисов Ташкента и Туркестана. Десятки тысяч казахов попали в плен, остальные бежали, бросая имущество,

к рекам Ую, Эмбе, Яику, Илеку, Тоболу, Ишиму. В результате часть казахской знати Младшей и Средней орд начали переговоры о принятии русского подданства. Ober-секретарь Сената И.К. Кириллов, после перехода в русское подданство казахской Младшей Орды в 1731 г., составил план строительства крупного русского военного и торгового центра Оренбурга, предусматривающий значительное усиление русского влияния на востоке. По мнению Кириллова, установление русского контроля над Младшей Ордой должно было стать только началом процесса расширения Российской империи на восток. Позднее предполагалось присоединить города Средней Азии, а затем занимать территории одну за другой «и до самой Персии и Индии в Российскую державу подобрать» [2]. Однако скоро об этих планах пришлось забыть – летом 1735 г. началась война с Крымом, а затем с Турцией, потребовавшая отвлечения значительной части русских сил, а на востоке России экспедиция Кириллова привела к мощному башкирскому восстанию.

Оренбург строился на окраине Российской империи, за сотни верст от ближайших районов, обжитых русским населением, поэтому именно Урал по первоначальному проекту И.К. Кириллова должен был стать оружейной и продовольственной базой для снабжения экспедиции и строительства Оренбурга. С этой целью в конце 1734 – начале 1735 г. на левом берегу р. Яик была построена крепость – Верхояицкая пристань, перевалочная база между заводами и слободами по Исети и строящимся первым Оренбургом на устье реки Орь. Планы правительства по строительству на башкирской территории крупного центра русской власти встретили сопротивление кочевников. Башкиры опасались как от-

чуждения значительного количества земель под новые крепости и заводы, так и того, что подобное укрепление русского влияния на востоке приведет в конце концов к потере многих традиционных свобод. К этому времени башкиры были фактически повелителями громадных пространств Приуралья и Урала, слабо контролируемые русской властью.

Башкирские повстанцы решили остановить строительство города не прямой атакой на лагерь строителей, где имелись значительные русские силы, а блокадой, перерезав его коммуникации. 14 июня 1735 г. экспедиция И.К. Кириллова вышла из Уфы в район строительства Оренбурга, 6 августа Кириллов стал лагерем на р. Яик, ожидая прихода драгун из Уфы и провианта из слобод Приисетья. 1 июля 1735 г. отряд Кильмяка в 3 тысячи человек неожиданно напал на Вологодский драгунский полк, направлявшийся из Уфы в Оренбург, где он должен был нести службу. Это событие стало началом башкирского восстания. Из Теченской слободы к Верхояицкой пристани был отправлен первый обоз для строителей Оренбурга, насчитывающий 1084 подвод. В августе 1735 г. отряд башкир Сибирской дороги под предводительством старшины Кара-Табынской волости батыра Юсупа Арыкова напал на обоз в 30 верстах от Верхояицкой пристани и осадил его, отбив 14 подвод [3]. Сибирский драгунский полк под командованием полковника Арсеньева освободил обоз от осады, благодаря чему провиант попал в Оренбург. Однако даже задержка обоза из Теченской слободы едва не сорвала строительство города, с которым правительство связывало тогда большие надежды по усилению русского влияния и власти на востоке. По словам П.И. Рычкова, «военные люди крайнюю нужду претерпевать начали и ежели бы помощью Божиею оный обоз из осады освобожден и препровожден не был, то б уже самый сущий глад претерпевать и от того самые худые последствия видеть были принуждены» [4]. Судьба Оренбургской экспедиции теперь зависела от тонкой линии коммуникаций, тянувшейся из богатых слобод Приисетья через Урал на Верхояицкую пристань, а затем к Оренбургу. Это хорошо понимали как русские власти, так и башкиры.

В.Н. Татищев, занимавший в это время важную должность начальника Казанских и Сибирских горных заводов, первым из чиновников высокого ранга увидел, что планы И.К. Кириллова могут привести к очередному выступлению башкир. В марте 1735 г. Татищев писал в Казань, сообщая о «великих съездах и советах» башкир, которые обычно предваряли выступления против центральной власти, и принятии им мер предосторожности [5]. Однако Кириллов не только не стал корректировать свои планы, но и подверг это сообщение Татищева критике. Позднее 26 июня 1735 г. В.Н. Татищев в доношении Сенату, сообщая о беспокойной обстановке на пограничье и частых набегах Казачьей орды на башкир в течение зимы и весны, писал, что эти нападения не затронули заводы и русское население – «...мы всегда людей в Башкирии имея ничего опасного не видели». Однако уже именно в это время по приказу В.Н. Татищева началась подготовка к отражению возможного нападения. При всех пограничных заводах Татищев приказал переписать и начать обучение всех мастеров и работников, «годных к обороне и солдатскому строю», а также учесть и собрать по слободам годное ружье. В результате этих мер удалось собрать более 1200 человек и свыше 500 ружей, из которых «за годные ни одной почесть нельзя» [6].

16 августа 1735 г. Татищев писал в Сенат, что, несмотря на восстание башкир в европейской России, на Урале «все смирно». Татищев связывал это спокойствие со своими военными приготовлениями на Уральских заводах – «...посылаемые от нас для проводывания сказывают, что они (башкиры), видя здесь устройство крепостей или острогов, заготовление артиллерии, обучение при заводах мастеров и работников солдатскому строю, более боятся, чтоб их не разорили, нежели о нападении думают». После нападения на первый обоз 22 октября 1735 г. Татищев получил указ Сената от 9 сентября 1735 г., по которому предписывалось укрепить построенную И.К. Кирилловым Верхояицкую пристань и «магазейнов провиантских» на Урале, и в тот же день сообщил Сенату «по оному исполнять буду» [7]. Позднее, 24 августа 1736 г., в доно-

шении Сенату Татищев дал отчет о своих действиях. В 1735 г. на заводах были организованы постоянные караулы и посылались на границу вооруженные «партии» из мужиков, однако эти меры не смогли предотвратить распространение восстания в Зауральскую Башкирию, что Татищев связывал с отсутствием на заводах регулярных формирований – «за недостатком военных людей к покорности принудить не мог» [8].

5 августа 1735 г. произошло совместное заседание Правительствующего Сената и Кабинета, где было принято решение о создании особой Комиссии башкирских дел, которая должна была быстро, координируя все силы государства на востоке, подавить восстание. Главой комиссии стал один из ближайших сотрудников Петра I, участник Северной войны и Персидского похода генерал-поручик А.И. Румянцев. А.И. Румянцев, после приезда в Башкирию возложил именно на В.Н. Татищева задачу защиты уральских заводов и русских поселений Урала и Сибири от нападений башкир, а также предоставил ему командование местными военными силами для борьбы с повстанцами – «со обретающимся во оных местах военными людьми над ворами поиски чинить и их, воров, сокращать».

В течение 1735 г. силы восставших, оперировавших на Урале, возросли и снабжение экспедиции провиантом из главной продовольственной базы Оренбурга – Приисетья – становилось все более трудным. 7 сентября И.К. Кириллов выехал в Уфу для организации борьбы с повстанцами, а для защиты коммуникаций на Урал отправил отряд полковника А.И. Тевкелева из 3 рот драгун, нескольких сотен нерегулярных служилых людей и тысячи сибирских мужиков. Неблагоприятные природные условия – «чрезвычайная стужа», преждевременный выпад снега – задержали Тевкелева в пути, помешав ему организовать поход на башкир из Верхояицкой крепости, как это было задумано. 8 октября Тевкелев, прибыв в Теченскую слободу, организовал 26 октября новый обоз, дошедший до Верхояицкой пристани. Из Теченской слободы Тевкелев совершил поездку в Екатеринбург к Татищеву, с которым советовался о

дальнейших мерах по отношению к башкирам. Татищев снабдил Тевкелева деньгами для организации провиантского обоза в счет Оренбургской экспедиции [9]. 26 ноября Тевкелев вышел в Уфу, по дороге приводя к присяге группы башкир. После ухода его отряда среди башкир сибирской дороги начались пересылки и съезды, где они решили не пускать обозы из Приисетья на запад.

Зимой башкир сопровождал крупный успех. 22 декабря 1735 г. башкиры Сибирской и Ногайской дорог численностью более 1 тысячи человек в 30 верстах от Верхояицкой пристани осадили обоз из 600 подвод, покинувший 20 днями ранее Теченскую слободу, конвоем которого в составе 397 человек командовал майор Сибирского драгунского полка Шкадер. 4 января 1736 г. по приказу В.Н. Татищева из Теченской слободы на выручку обоза был послан быстро собранный отряд под командованием полковника И.С. Арсеньева в составе 605 человек, из которых большую часть составляли драгуны Сибирского полка – 507 человек, а остальные 98 человек были набраны среди вооруженных крестьян Окуневского уезда [10]. К 12 января отряду удалось пройти 255 верст от Теченской слободы и приблизиться на расстояние 10 верст к осажденному обозу, но здесь отряд Арсеньева был неожиданно сам окружен силами башкир, насчитывающими более 5 тысяч человек. Башкиры атаковали Арсеньева непрерывно днем и ночью 12 и 13 января. Хотя повстанцам и не удалось опрокинуть отряд Арсеньева, русские потеряли 7 человек убитыми и 40 ранеными, заканчивался взятый провиант. Постоянные нападения превосходящих сил конницы и условия местности заставили Арсеньева вступить в переговоры с башкирами, а затем отступить в Теченскую слободу. Вскоре туда пришел, пропущенный башкирами назад, обоз Шкадера. Это поражение стало возможным по причине готовности башкир стоять до конца, по данным Арсеньева, повстанцы дали обещание друг другу не пропускать провиант в Верхояицкую крепость и драться с русскими войсками до последнего человека. Кроме того, свою роль сыграли и условия местности, которую повстанцы выбрали для нападения, позднее офицеры, уча-

ствовавшие в сражении, вспоминали, что «идти вперед некоторыми мерами невозможно, что пришли великие каменные горы и самые тесные места» [11].

22 января 1736 г. Татищев сообщил Румянцеву, что отряд Арсеньева не смог освободить обоз и доставить провиант в Верхояицкую пристань. Румянцев отправил отряд к месту сражения и потребовал, чтобы Сибирский драгунский полк Арсеньева был отправлен обратно под Верхояицкую пристань. Недостаток регулярных сил Румянцев приказал восполнить сибирскими служилыми людьми и крестьянами Исецкого, Шадринского и Окуневского уездов, управители которых должны были собрать там «сколько возможно людей доброконных с ружьем у кого какое имеется» [12]. Но все эти меры уже не смогли исправить положение.

Победа башкир определила развитие дальнейших событий. Гарнизон Верхояицкой пристани, осажденной башкирами, вымирал от голода, по данным экстракта Сибирского драгунского полка, «...питались кониной падалищем да и того уже находить не могли... многие ис постели не вставали» [13]. 24 февраля 1736 г. полковник Арсенев получил известие, что офицеры и солдаты покинули крепость по соглашению с повстанцами, обещавшими пропустить их в Уфу, но затем все были перебиты. В результате зимой 1735 г. в Оренбурге, по словам П.И. Рычкова, «в провианте крайний недостаток явился, ибо по смете онаго по самой нужде не было более, как разве до половины декабря 1736 года» [14]. Кириллову пришлось даже отправить зимой часть гарнизона Оренбурга – 773 человека под командой премьер-майора Рагинского, которых в крепости нечем было кормить, в Сакмарский городок, расположенный в 300 верстах на реке Яик. Зимний поход стал настоящей катастрофой, отряд в пути потерял от холода 500 человек умершими, остальные 223 человека прибыли в Сакмарский городок «едва живы», многие из них были обморожены [15]. Таким образом, победа башкир на коммуникациях привела к двум тяжелым поражениям правительственных сил на востоке.

Как русские, так и восставшие башкиры понимали, что само строительство Оренбур-

га теперь зависит в первую очередь от обеспечения безопасных коммуникаций со стороны Приисетья. Командир Сибирского драгунского полка полковник Арсенев потребовал от Татищева для очистки коммуникаций от повстанцев и восстановления устойчивой связи Приисетья с Оренбургом 5 полков регулярного войска [16]. В условиях нараставшей борьбы на фронтах русско-турецкой войны 1735–1739 гг. переправить такие силы на Урал было нереально. Растянутые коммуникации Оренбургской экспедиции, слабость русских военных сил в крае, угрожающая обстановка на внешних и внутренних границах требовали ускоренного строительства русских опорных пунктов на главных участках.

В декабре 1735 г. Румянцев и Кириллов составили план, координирующий силы русской власти для подавления башкирского восстания, после чего Кириллов был вызван в Петербург, где Сенат потребовал от него создания ряда укрепленных линий «для прикрытия от башкирцев российских жителей». Кириллов в Петербурге представил императрице Анне Иоанновне особое мнение, предлагая весной 1736 г. организовать поход в Башкирию с востока и запада «от Сибирской и Казанской сторонь», так как «теперь самое удобное время действовать против Башкирцев – март и апрель месяцы: сами они голодны и лошади худы» [17]. Это предложение было принято, и весной 1736 г. в Башкирию вступили 3 крупные отряда правительственных войск, разоряя поселения повстанцев. Румянцев руководил русскими силами в западной Башкирии, Кириллов – в центральной, а Татищеву было поручено руководство подавлением восстания на востоке. В.Н. Татищев разработал план крепостного строительства на Урале для обеспечения коммуникаций к Оренбургу. Построению крепостей предшествовал поход на р. Миасс вооруженных сил и колонистов Зауралья, подкрепленный формированиями Сибирской губернии, предпринятый для очистки южных территорий от повстанцев. Зимой 1736 г. на Урале велась энергичная подготовка весеннего наступления на повстанцев.

Татищев приказал полковнику Арсеневу совершить поход в районы озера Чебаркуль, вершинам р. Яик и на запасные базы

повстанцев в горы Урала, «при оных местах построить редуты или острожки и укреплять крепостями... для пресечения между башкирами и Казачьей Орды согласия» и обеспечения подвоза к Оренбургу. План В.Н. Татищева предусматривал быстрое создание крепостей на расстоянии не более 30 верст друг от друга на пути от слобод Приисетья до Оренбурга, которые позволяли поставить под контроль как коммуникации в крае, так и башкирские кочевья. Недостаток регулярных сил В.Н. Татищев пытался компенсировать привлечением сибирских служилых людей и набором ополчения из мирного населения. Помимо Сибирского драгунского полка (827 драгун) для похода были сосредоточены формирования Тобольска (596 солдат Тобольского и Енисейского пехотных полков, 522 служилых тобольских, тюменских, туринских дворян, детей боярских русских и татар), 44 драгуна и казака Оренбургской экспедиции, 1300 «наряженных... из крестьян казаков» Шадринского, Окуневского, Исетского, Краснослободского и Ишимского дистриктов, 921 подводчик и фуражир, а также отряд капитана Житкова «с границы Екатеринбургского ведомства» в составе 121 регулярного и 2665 нерегулярных людей [18]. Обычная для Сибири нехватка регулярных частей и многолетняя традиция использования иррегулярных, а то и просто крестьянского населения побудила В.Н. Татищева сформировать столь пестрый по составу корпус, очень напоминавший армию старой Московии. Более 70% состава семитысячного отряда составляли крестьяне уральских слобод.

13 марта 1736 г. корпус под командованием полковника Арсеньева вышел из Теченской слободы. После разгрома в сражении 25 марта 1736 г. 6 сотен башкир Сибирской дороги, пытавшихся предотвратить выход команды на свою территорию, полковник Арсеньев выделил из отряда партии, посланные в разных направлениях для разгрома тыловых баз повстанцев. Начиная с 26 марта по 18 апреля отряды майоров Павлуцкого и Шкадера, капитана Мякина разорили более 100 деревень, население которых бежало в горы и степи, перебили в боях 300 повстанцев и взяли в плен 200 чел. Контратаки башкир были отбиты, солда-

ты резали оставленный в спешке скот. 8 мая отряд Арсеньева вернулся в Теченскую слободу. Наступление Арсеньева явилось частью широкой операции по разгрому восстания, в ходе которого было истреблено свыше 4000 повстанцев. Правительственным силам удалось закрепиться в башкирских кочевьях. На месте Абалаковой деревни на острове озера Чебаркуль, согласно указу В.Н. Татищева, по общему определению офицеров полка, отряд построил с 13 по 20 апреля Чебаркульскую деревянную крепость с 4 башнями длиной 30 сажень, шириной 18 сажень. В крепости была оставлена рота солдат с обер-офицером, капитанство драгун, 60 служилых людей Тобольска и Тюмени и 46 крестьян, всего 274 человека, и 4 пушки [19].

Зимой 1736 г. Юсуп Арыков послал агитаторов во все зауральские волости Башкирии с призывом собирать силы для похода весной «на русские все слободы и деревни, в оных рубить и разорять всех русских також и мещеряков и ясашных татар». По данным сибирской администрации, башкиры согласились на это предложение – «все волости Сибирской дороги, живущие за Уралом, обещались» [20]. Около тысячи повстанцев блокировали дороги на Южном Урале, чтобы остановить как провиант, так и переписку русских властей. Сибирская губернская администрация 10 марта 1736 г. направила в Сенат просьбу о немедленной высылке полков за Урал. Большая часть солдат 2 регулярных полков, находившихся в Тобольске оказалась к тому времени разосланной в Иртышские крепости, Екатеринбург и сопровождала обозы в Оренбург. По сообщению сибирской администрации в Сенат, во время весеннего похода 1736 г. на р. Миасс сибирских регулярных сил и крестьянского ополчения из слобод Урала усилились башкирские набеги на сибирское пограничье – «в то время воры башкирцы многие пограничные села и деревни разорили... и людей побили, и побрали в полон, лошадей и скота отогнали многое число» [21]. Большая часть башкир бежала во время похода на Уральские горы или в степь, откуда они начали наносить удары по русским слободам и деревням Урала.

Основные силы башкир во главе с лидером восстания Кильмяком численностью до 8000 чел. попытались разгромить отряд командующего вооруженными силами края генерал-лейтенанта А.И. Румянцева в районе Уфы, но были им рассеяны и прекратили активные действия. Второстепенная группа башкир, насчитывающая около 3000 всадников, под руководством предводителя Куваканской волости Сибирской дороги Бепени нанесла удар по слободам юга Урала, надеясь, таким образом, окончательно сорвать продовольственные поставки оттуда в Оренбург и заблокировать полк слободских драгун от основного театра военных действий. Уже в апреле и мае 1736 г. отряд Бепени совершил несколько ожесточенных нападений на Китайский острог, от которых местное население смогло отбиться лишь при помощи артиллерии. 2–3 июня башкиры вели штурм Крутихинской слободы, но ее им взять также не удалось. После неудачи нападений на крупные русские укрепления, имевшие гарнизоны и артиллерию, башкиры начали атаки на деревни. 2 июня отряд кочевников захватил и разорил село Уксянское, имевшее оборонительные сооружения, разрушил 4 ближайшие деревни. Во владениях Далматова монастыря было разорено 7 деревней. Набегам подверглись также Шадринская, Барневская, Пещанская и Теченская слободы, где восставшие разорили 11 сел и деревень [22]. В Примиасье нападения башкир произошли на Окуневский острог, село Воскресенское и Чумляцкую слободу [23]. Серии башкирских набегов подверглись и слободы Среднего Притоболья – Иковская, Утятская, Верх-Суерская и Царево Городище. В промемории из Сибирской губернии к В.Н. Татищеву указывалось, что причиной набегов является отвлечение сибирских драгун из слобод на борьбу с башкирами – «когда в 1735 г. полковник Арсеньев с драгунским полком и протчею команд послан в партию на башкирские жилища для искоренения, и в то время пограничные слободы остались без всякого защищения» [24].

После начала «больших разорений» уральских пограничных мест Татищев пытался мирным путем остановить движение за

Уралом, в целях чего он послал к восставшим башкирам двух аманатов с предложением принести повинную на имя императрицы, обещая, что эта повинная будет милостиво принята. Но, по признанию самого Татищева, эта попытка только усилила восстание – аманаты, выбравшись в башкирские волости, нарушили свои обещания и «на воровство подвигнули, чрез что нападение наитягчайше усилилось». В результате Татищеву пришлось пойти на крайние меры – остановить часть уральских заводов и «заводских начальников с мастеровыми людьми и крестьянами в оборону употребить» [25]. Однако и эти меры оказались недостаточными к «совершенному пресечению безпокойства», среди заводских ополченцев было мало опытных офицеров, «которые б служили и порядок в поступках с ворами оными знали».

Невозможность остановить восстание обороной заводов заставила Татищева летом 1736 г. перенести военные действия в башкирскую степь. Татищев, по его словам, решив с крупным отрядом вступить на территорию бунтующих башкирских волостей, «намерение положил, что, выступя недалеко... стать в крепком месте, и партиями поиски чинить, а набегу пресечь. Перед началом похода его отговаривали «некоторые офицеры», говоря, что у многих крестьян нет даже саадаков, не говоря уже о ружьях, солдаты не имеют боевого опыта, многие драгуны и солдаты без коней. Еще одним возможным препятствием назывались частые болезни самого Татищева. Но 13 июня 1736 г. «презрев оное» Татищев, собрав заводских управителей, мастеров и «добрых мужиков» из заводского ополчения, мещеряков, ясашных черемис и солдат, выступил из Екатеринбург в Багаряцкую слободу, где собирались отряды крестьян из слобод. 15 июня заводской отряд пришел в слободу, где были сделаны 6 знамен и 6 барабанов. Предварительно Татищев распространил слухи, что с ним идет войско в 8 тысяч солдат, а к повстанцам были отправлены еще два аманата с предложением прийти с повинной. В реальности силы Татищева насчитывали 1576 человек, среди которых основную массу составляли заводские крестьяне (1124 человека), а также 201 сол-

дат, 73 мешеряка, чуваша и черемисина. Отряд имел на вооружении 590 единиц огнестрельного оружия различных систем, 219 саадаков и 745 копий. Таким образом, большая часть русского отряда была вооружена холодным оружием [26].

18 июня Татищев отправил из слободы отряд из 5 сотен под командованием заводского управителя Калачева и прапорщика Назарьева за реку Синару, приказав идти до реки Течи «искать воров, чтоб их по сю сторону не оставить», а затем создать укрепленный лагерь у озера Кизылташ. 22 июня, взяв артиллерию и припасы на 1,5 месяца, Татищев с главными силами сам направился в этот лагерь. 25 июня, когда Татищев вышел к озеру, расставив по периметру телеги и усиленные караулы, к нему прибыли посланные аманаты, сообщившие, что около 300 повстанцев, собравшиеся в 3 верстах от озера, готовы принести повинную и они уже послали к вождям восстания в Зауральской Башкирии Кутунаю и Юсупу с призывом сложить оружие. 26 июня пришел отряд Кутуная, и башкирское собрание, насчитывающее около 1 тысячи человек, просило у Татищева принять присягу на верность русской власти. 7 июля, считая, что «граница вся усмирена», Татищев взял новых аманатов у башкир и начал движение к Екатеринбургу, распустив ополчение из крестьян. Только отряд повстанцев Юсупа Арыкова продолжал сопротивление, однако башкирские старшины уверили Татищева, что и они скоро явятся с повинной в Чебаркульскую крепость, прося, «чтоб я их не казнил, которое я им обещал».

В ходе весеннего похода 1736 г. полковник Арсеньев по приказу Татищева отметил места для строительства новых крепостей. По словам самого Татищева, «хотя он Арсеньев удобные места и нашел, не умиряя башкирцов, строить оные некем». Конец восстания привел к строительству новых укреплений в башкирских кочевьях. В июне 1736 г. по приказу Татищева премьер-майор Сибирского драгунского полка Павлуцкий с 3 ротами драгун из Царева Городища перешел в Теченскую слободу, усилив там свои силы сибирскими солдатами и крестьянами. В июле 1736 г. с отрядом в

1100 человек Павлуцкий вышел на реку Миасс, где построил Миасскую земляную крепость, оставив в гарнизоне там 150 человек. Затем Павлуцкий совершил марш к Чебаркульской крепости и построил там, около деревянного укрепления, земляную крепость [27]. Здесь к русскому отряду вышли с повинной те башкиры, которые еще продолжали воевать, всего сдалось 1626 повстанцев, в том числе «главные воры» Юсуп и Сабак, отправленные к Татищеву в Екатеринбург. Юсуп Арыков написал ряд посланий с призывом всем зауральским башкирам сложить оружие и принести повинную. Только после этого восстание в крае закончилось – «и тако тогда зауральцы и все на сибирской дороге живущие башкирцы успокоились» [28]. Всего к Татищеву и Тевкелеву пришло с повинной около 4000 зауральских башкир. В сентябре – октябре 1736 г. полковником Тевкелевым была основана Челябинская деревянная крепость на р. Миассе. Гарнизоны этих 3 крепостей, составленные из регулярных солдат и спешно набранных из крестьян Приисетья казаков (т. н. Исетское войско), обеспечили не только надежные коммуникации к Оренбургу, но и контроль за юго-восточными кочевьями башкир.

По мнению первого исследователя башкирского восстания 1735–1741 гг. П.И. Рычкова, в 1736 г. успех команды В.Н. Татищева по борьбе с повстанцами выделялся даже по сравнению с аналогичными успехами команд А.И. Румянцева и И.К. Кириллова – «подобно тому во все команды оные воры явились, а особливо у действительного статского советника Татищева, который для того нарочно из Екатеринбурга в Башкирию входил и многие в том полезные учреждения учинил» [29]. Такую оценку оставили не только историки. 23 декабря 1736 г. в Мензелинске состоялось совещание Кириллова и бригадира Хрущова, сменившего в Башкирии отправленного на турецкий фронт А.И. Румянцева. В своем плане дальнейшей борьбы с восстанием, poslanном в Кабинет, чиновники просили отдать «над военными людьми главную команду» на сибирской стороне В.Н. Татищеву, действия которого сопровождал круп-

ный успех. О действиях Татищева, руководившего действиями правительственных сил в Сибири, в том числе и отрядом Арсеньева, Кириллов отзывался как об «очень осмотрительных», ставя ему в заслугу то, что он «вступая к башкирам в малолетстве, почти с одними крестьянами, привел бунтовщиков в повиновение и два городка в удобных местах построил, почему на него и впредь на счет тамошнего отдаленного края надежда имеется» [30].

В целом действия Татищева привели к большому успеху русской власти в ходе усмирения восстания на Урале, другое дело, что этот успех не стал окончательным. В 1737 г. башкиры подняли новое восстание. Относительность своих успехов понимал и сам Татищев. 5 августа 1736 г. он писал полковнику Арсеньеву, что хотя на Урале все «успокоено и уже ближние (башкиры) почитай все у присяги были», но при этом дал развернутый план укрепления обороны слобод и деревень [31].

Список использованной литературы:

1. Рычков П.И. История Оренбургская (1730 – 1750). Оренбург, 1896; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. К. 10. М., 1993; Попов Н. Татищев и его время. М., 1861; Витевский В.Н. Н.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 1 – 3; Добромислов А.И. Башкирский бунт в 1735 – 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой комиссии. Оренбург, 1900. Вып. 8; Дмитриев А.А. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737 – 1739 гг. М.-Л, 1950; Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976; Кузьмин А. Татищев. М., 1987; Донелли А. Завоевание Башкирии Россией 1552 – 1740 гг. Б. м. 1995; Порталь Р. Башкирия в XVII – XVIII вв. Уфа, 2000.
2. Донелли А. Указ. соч. С. 110.
3. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 174.
4. Рычков П.И. Указ. соч. С. 16.
5. Соловьев С.М. Указ. соч. К. 10. М., 1993. С. 574.
6. РГАДА, Ф 248, оп 3, ед. хр. 134, л. 1.
7. Там же. л. 59.
8. Там же. л. 170.
9. Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 1, с. 143.
10. РГАДА, ф. 199, ед. хр. 481, т. 6. л. 187 об.
11. Там же. л. 188.
12. РГАДА, Ф 248, оп 3, ед. хр. 135, л. 426.
13. РГАДА, ф. 199, ед. хр. 481, т. 6. л. 189.
14. Рычков П. И. Указ. соч. с. 22.
15. Там же.
16. РГАДА, ф. 199, ед. хр. 481, т. 6. л. 188 об.
17. Витевский В. Н. Указ. соч. Т. 1. с. 145.
18. РГАДА, ф. 199, ед. хр. 481, т. 6. л. 190 – 194.
19. РГАДА, Ф 248, оп 3, ед. хр. 135, л. 609.
20. Там же. л. 424.
21. РГАДА, ф.214, оп. 8, ед. хр. 5177, л. 6.
22. РГАДА, ф.199, ед. хр. 481, т. 6, л. 189 – 190.
23. Там же. л. 152.
24. РГАДА, ф. 214, ед. хр. 5177, л. 12 об.
25. РГАДА, Ф 248, оп 3, ед. хр. 134, л. 170.
26. Там же. л. 172.
27. РГАДА, ф.199, ед. хр. 481, т. 6, л. 201.
28. Рычков П. И. Указ. соч. с. 28.
29. Там же. с. 24.
30. Там же. с. 27; Соловьев С. М. Указ. соч. с. 583.
31. РГАДА, Ф 248 оп 3 ед. хр. 134, л. 186.

Статья поступила в редакцию 14.11.05